

С. Тхоржевский

Искатель истины

Портреты пером. Повести о В. Теплякове, А. Баласогло, Я. Полонском
М., "Книга", 1986
OCR Ловецкая Т.Ю.

Глава первая

*Под белую хоругвь, под парус корабля,
Вербую всякий ветер, попутный - непопутный,
Вручу фантазии крутой рычаг руля
И ринусь на валы, на штурм ежеминутный...*

Александр Баласогло

Пусть в его биографии, горькой и необычайной, многое остается неизвестным, выдумывать я ничего не хочу и не буду. Непридуманность рассказа имеет, по-моему, свой особый, терпкий вкус.

Дорогой читатель, ты, наверно, ничего или почти ничего не знаешь об Александре Баласогло. Он был литератором, но из того, что он написал, напечатано менее половины, остальное либо существует в рукописном виде, в архивах, либо вообще утрачено.

Историкам известно его пространное письменное показание, вовсе не предназначавшееся для печати. Он писал его в камере Петропавловской крепости (оно было найдено в архиве и опубликовано много лет спустя). Это почти исповедь, в ней есть бесстрашно откровенные страницы о себе и своей жизни. Он рассказывал о пережитых мытарствах и не мог знать, что еще большие мытарства ждут его впереди.

О, если бы мне удалось со всей отчетливостью показать этого замечательного человека! Показать, каким он был...

Правда, с точностью неизвестно даже, как он выглядел. Не сохранилось ни единого портрета. Известно, что отец его был грек, а мать - русская. Иногда его принимали за турка или за армянина, так что он, очевидно, был черноволос и черноглаз. Кроме того, он всегда был худ, даже тощ. Дорисовать его облик может воображение.

Он родился в Херсоне. Отец его, морской офицер, служил на кораблях Черноморского флота, одно время командовал Дунайской флотилией. Поэтому в детстве Саше Баласогло привелось жить в разных портовых городах: Таганроге, Измаиле, Килии, Николаеве, Севастополе.

"Учился я весьма прилежно, - вспоминает он, - с 4 лет выучившись читать, уже бросил все игрушки..." Отец был строг и запрещал "читать книги собственно литературного содержания... Мать, напротив, не только не запрещала, но даже сама сообщала мне тайком романы и стихотворения, до которых я был жаден, и защищала меня всячески, если попадался отцу не с математикой в руках. Я не забуду по гроб благодарить ее в душе за то, что она первая ввела меня в мир поэзии... Впрочем, ни отец, ни мать и никто в доме меня не баловали. Я был старший, вечно с книгами, никогда не вертевшийся на глазах, с вопросами, на которые редко мне могли дать удовлетворительный ответ, и с боязнью проговориться - следственно, скрытный..." И, между прочим, "самою первую книгою, какая мне попала в руки, была география, в которой довольно подробно описывалась жизнь, занятия, наряды, нравы и обычаи разных, народов, особенно Востока, Восточного океана и Америки". Юный Саша Баласогло так был пленен этой книгой, что решил во что бы то ни стало поступить во флот, добраться до Петербурга и оттуда на первом кругосветном корабле отправиться в дальние вояжи. "Два года, - рассказывает он, - я не переставал надоедать отцу, и матери, и всем домашним и знакомым, чтобы меня поскорее записывали в гардемарины. Наконец отец сдался, и я на 13 году от роду, в 1826 году, поступил на службу во флоте гардемаринном. На флоте, я разумею Черноморский, я застал в тогдашнем гардемаринстве и молодом офицерстве нравы если не буйные, по крайней мере еще полудикие... встретил с неописанным изумлением и горестию это непостижимое для меня буйство, невежество и праздншатание. Впрочем, на